

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

КАРТИНКИ ВОЛЫНИ

Николай Гарин-Михайловский
Картинки Волыни

«Public Domain»

1908

Гарин-Михайловский Н. Г.

Картинки Волыни / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1908

«Лесистая Волынь вся спряталась от глаз в своих обширных лесах. Где-то там ютятся белые домики, сверкнёт речка и опять леса и леса. Но не дикие леса Сибири, тайга, непроходимый склад стоячего и лежащего гнилья. Это и не леса Уфимской губернии, – запущенные, испорченные, проросшие всякой дрянью, – урман, как называет такой лес башкирин, истребитель его...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Гарин-Михайловский

Картинки Вольни

I

Лесистая Вольнь вся спряталась от глаз в своих обширных лесах. Где-то там ютятся белые домики, сверкнёт речка и опять леса и леса. Но не дикие леса Сибири, тайга, непроходимый склад стоячего и лежащего гнилья. Это и не леса Уфимской губернии, – запущенные, испорченные, проросшие всякой дрянью, – урман, как называет такой лес башкирин, истребитель его. Это, наконец, не южные леса Кавказа, переплетённые всякими вьющимися растениями, делающими его совершенно непроницаемыми. Леса Подолии – это, в большинстве случаев, расчищенные парки и владельцы их щеголяют друг перед другом своим порядком в лесах и уходом за ними. Длинные прямые просеки идут через каждую версту и тонут на горизонте в просвете куска голубого неба. Иногда в них мелькнёт стройная фигура огненно-жёлтого дикого козла или задумчиво с понуренной головой пробредёт тоже дикий кабан. Лаконическая вывеска извещает о запрещении посторонним охотиться. Здесь ещё царство охоты. Красивая форма охотников: куртки, перо за шляпой, видны их домики с дороги. Зверей кормят и ведут им счёт. Но не всякого зверя холят, – волка, например, потребителя коз, совсем нет: случайно забежавшего ждёт быстрая и верная смерть.

Я еду. Дорога лесом. Шляхтич Владек на козлах, пара голых лошадок в дышло с нитяными шлейками на шее, шарабан, на нём сиденье. Дождик, грязно. Навстречу карета, четвёрка в ряд, на вынос ещё две, шлеи, бич, головки лошадок, украшенные перьями: так и вспоминаются картинки из былых времён польских дворов. В окне кареты дама с следами поблекшей красоты умного польского лица, седой, с усами, гордый господин и всё вместе – впечатление остатка какой-то из ценного фарфора игрушки. Это первое впечатление. Затем является сознание, что здесь это ещё действительность. Невольный интерес заглянуть в эту жизнь. И вот я в охотничьем домике здешнего магната. В глухой части леса простой одноэтажный деревянный домик. Владелец где-то в Индии, в погоне за тиграми. Здесь же вдоль окон и на стенах металлические пластинки с выбитой историей каждого убитого тетерева. Где, когда, на каком дереве, в котором году и кто герой. Счёт ведётся с конца шестидесятых годов. Такие же таблицы на деревьях. Один из героев, убивший семнадцать глухарей, уже переселился в лучший мир. Семнадцать глухарей! Всякому времени свои трофеи.

И мне невольно рисуется картина далёкого прошлого: пышные похороны польского короля – его трофеи. И эти похороны его потомка – такие же пышные, с той же сохранившейся формой, и трофеи жизни – семнадцать жетонов убитых тетеревов.

А вот и памятник из гранита на том месте, где дикий кабан поранил двух солдат, которые в числе других, поощряемые княжеской наградой, бросились на кабана в надежде захватить его живьём. Стоишь над этим красивым памятником, хочешь его осмыслить, поймать здесь какой-нибудь порыв, штрих, дух, всё то, что создало этот памятник; но с каким-то туманом в голове, с пустым сердцем уходишь от этого, имеющего, очевидно, прочностью своею цель пережить много, много поколений, памятника.

* * *

– Расползаются паны, як тараканы перед пожаром.

– Куда?

– Господь их знает, – в Польшу чи що подаются. А кто на службе, а то и так изведётся.

Продажа земель идёт энергично – от семидесяти до ста рублей за десятину.

– Хоть и дорого, а мусимо браты, бо дороже буде.

Это говорит стройный красивый шатен, в белой рубахе, белых штанах, подкатанных до колен, босой. На руке у него висит топор, он небрежно и грациозно покачивается и идёт рядом со мной.

– Мы от роду крепостными не были... мы из дворян, – говорит он.

Признаюсь откровенно этот дворянин пришёлся по душе мне. Вот истинно Лафонтеновский тип голодного, но свободного дворянина. Чувствуется уверенность и удовлетворённость. Дворянин, который сам себя кормит; дворянин, который сам пашет свою землю; дворянин, которому не дано образование, но достались в наследство независимость и гордость, которые побуждают его свалиться с шеи себе подобных и встать, как умеет он, на свои собственные ноги. Такого дворянина можно от всего сердца приветствовать и кричать с ним:

– Да здравствует независимость!

II

Своим последним днём май хочет наверстать все дожди и оставить впечатление, какое подобает ему. Чудный день с утра. Ветерок ласкает, и аромат сирени, ландыша и миллионов неизвестных цветов нежно щекочет ноздри.

Обеспеченное прекрасным днём всё кругом так празднично и нарядно, как только может быть природа. Кукушка где-то кому-то отсчитывает остающиеся ему годы жизни, угод подаёт восточку из лесу, множество птиц оглашают воздух своим щебетанием, чириканьем, вскрикиваниями.

Самые задумчивые философы из них, не любящие подавать голоса, и те отзываются каким-то непривычным басом.

Трава сверкает вся в разноцветных огнях росы и лёгкий утренний ветерок манит на простор туда, где в нежной дали спят в ясном утре леса, деревни, мельницы с своими неподвижными крыльями, пруды зеркальные. Всё замерло, отогреваясь в весёлых лучах майского солнца. Аромат воздуха – нет возможности передать: млеющий, он бросает в лицо то нежный запах фиалок, то травы, то потянет сосной, ландышем, заберётся далеко внутрь, в самую глубину сердца, вольёт в него радость сознания чудного дня, освежит, разгладит складки души и заставит и внутри в себе прибраться в тон этой майской природе.

Ровная, как ладонь, местность. Ряд деревень, речка между ними; на горизонте леса. Хохлушки и хохлы, запах дёгтя, – здесь Волынь во всей своей красе, в венке из майских цветов, – красные, жёлтые, лиловые, белые, разноцветный ковёр, а там дальше седая рожь в сажень, яровые выбиваются буйно и обещают небывалый урожай. Солнце, счастливое радостью земли, льёт с неба свет и ласку на землю, а земля изнывает в блаженстве и замерла в чудной прелести своего наряда. Это какой-то чудный храм природы, и идёт здесь торжественная служба и сам замер в восторге сознания своего бытия. В этой бездне зелени, воздуха и неба последними штрихами манят к себе высокие, стройные, одинокие тополи, то здесь, то там разбросанные по деревням. Непередаваема прелесть этих тонких зелёных пирамид и рядом с ними белых чистеньких хаток, с аккуратными оконцами, с высокими, соломой под лопату крытыми крышами, с гнёздами аистов на них, с садочком и огородом, в котором и мак, и конопля, и капуста, и дыни, и арбузы, и чего-чего нет.

Хлопочет там стройная хохлушка, в своей красивой повязке на голове, спускающейся на плечи, вышитой рубахе и червонной споднице, а ленивый хохол, в белых штанах и белой рубахе, босой стоит, курит люльку и смотрит на свет Божий так, как будто хочет сказать:

– Та не морочьте вы моей головы.

Ужасно дорожит своей головой хохол и пока жинка або «жид» не встряхнут его, как мешок, до тех пор не высыплется из хохла ничего.

Ещё ныряет парная повозка с голыми лошаdkами в волнах хлеба, травы, ныряют леса и вся даль, но вот и деревня, сырая корчма времён Дмитрия Самозванца с низкой большой комнатой, с тёмными длинными столами, большим шкафом, потайной дверью куда-то. Старый кот сидит и таинственно мурлычет о том, что видел и слышал здесь на своём веку.

Вынесли мне стол под навес, – прохлада; прозрачное озеро, поросшее редким камышом, перед глазами, дальше даль со своею прелестью.

Оригинальная корчма без водки и всяких крепких напитков. Хозяин «жид», конечно, и имеет свою «жидовку».

Знакомство наше завязалось ещё при въезде в село, когда мы напрасно искали себе приюта. Перед каждым встречным хохлом мы останавливались, говорили, объясняли, – он смотрел, «слухав», потом, когда убеждался, что мы от него не отстанем, звал жинку. И после короткого совета и муж, и жена выпроваживали нас мягким, но упорным отказом.

– Вот идёт еврей, надо его спросить, а то с этими кашми не сваришь, – говорит мой возница Владек.

Оказавшийся хозяином корчмы, еврей шёл в своём длинном кафтане, с той лёгкой походкой и быстрым взглядом, которые так мало вяжутся и с основательными движениями хохла, и с его глубокомысленным, но безрезультатным для видимого общения взглядом.

– Скажите, где здесь остановиться?

Молодое лицо еврея уставилось в нас, большие выразительные глаза на мгновение заглянули в глубь и он проговорил с соболезнованием, пожимая плечами и вытягивая свои длинные руки:

– Где же для вас тут будет помещение, кроме как у пана-помещика?

– Нет, мы к помещику не поедем.

– Отчего? – быстро спросил еврей, – помещик наш будет за честь для себя считать принимать у себя таких «пожондных» (порядочных) гостей.

– Нет, нет – мы к помещику не заедем: денег он не возьмёт...

– Де-е-нег? Что вы? Как можно. Он просто так, он так рад будет...

– Ну, а без денег к незнакомому человеку мы не поедем.

– Тут разве долго познакомиться...

– Нет, не поедем. Так где-нибудь...

Мечтательные глаза еврея раздумчиво уставились в пространство, он пожал плечами и проговорил:

– Я уж не знаю.

– Отчего нас крестьяне не пускают?

Он энергично вздрогнул:

– Ох! ну, и что вы хотите? Мужик себе сейчас в думку возьмёт и то, и то сё и сам себя так раздумает, что ничего уж не сделаешь с ним... Я не знаю, что и делать вам. Я бы свою корчму вам с удовольствием дал, только не годится она для вас.

– Отчего не годится?

– Известно, грязь... Бедно живём... комната одна.

Но так как выбора не было, то мы и остановились в корчме.

У еврея жена молодая ещё женщина, начинающая полнеть, с чёрными: и мягкими и строгими. глазами, красавица типичная, сочная и свежая, как поспевшая слива. Маленький грудной ребёнок-мальчик весёлый, черноглазый в мать, откинется от груди, смеётся весёлый, счастливый... Что-то ждёт его в жизни?

Лицо хозяина уже помято этой жизнью, история его простая, обыкновенная и из очень невесёлых. Был солдатом в Самарканде. Изучил там ремесло – выделку ватных полотнищ из хлопка. Пока служил, имел право жить, кончил – предложили в двадцать четыре часа оставить и возвращаться на старое пепелище. Приехал с женой и никого уж не застал здесь. Отец и мать умерли, братья и сёстры разбрелись кто куда, в погоню за куском хлеба. Теперь он сидит здесь караульщиком могил близких.

– Отчего же вы водкой не торгуете?

– Не позволено... Огорода нельзя развести... Да и водкой торговать расчётов нет: если разбавлять, мы не желаем.

– Что же, ваше ремесло кормит вас?

– Плохо... Новое это здесь дело совсем.

Красивые глаза еврейки смотрят мимо и при моём вопросе с выражением, далеко не лестным для их специальности.

– Плохо живётся? – спрашиваю я.

– Плохо... жид... известно.

– Отчего же вы не уйдёте куда-нибудь?

– Куда ж, везде много... привычка... тут и отец жил, и я... с детства... как пришёл с солдатчины, сел вот тут, – корчма запертая, никого нет, так и заплакал... известно... родные места...

Рассказ еврея и вся его обстановка до глубины души захватили меня. В самом деле, ремесленник, он предпочитает жить своим ремеслом, чем эксплуатировать людей. Очевидно, он даже не умеет эксплуатировать, потому что находит невыгодным то, из чего другие наживают громадные состояния. Ни злобы, ни раздражения он не имеет права иметь – их и нет. Он любит. Что любит? Чужой вид, чужую корчму, общее презрение... Он сидит и плачет от счастья, что опять видит родные места, от счастья, на которое не поменяется с ним любая собака деревни.

В корчму то и дело заглядывают крестьяне и крестьянки.

Я спросил еврея, зачем они приходят?

– Верно слух прошёл, – говорит еврей, – что вы землю им приехали намежевать... Теперь на деревне у них такой разговор пойдёт: отбирать от панов землю приехал.

Та же история везде значит: довольно показать нос в деревню русскую, татарскую, польскую, малороссийскую, в поволжье, в центре, в Крыму, на Волынь, и волнениям, ожиданиям нет конца.

Здесь, если что интересно, так то, что флегматичный хохол, не выпуская, впрочем, люльку из зубов, дал себе труд придти и лично убедиться, в чём дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.